
К ВОПРОСУ О МЕЖЛИТЕРАТУРНОМ ДИАЛОГЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА

(на материале художественного цикла

А. Жаксылыкова «Сны окаянных»)

О.А. Валикова

Факультет филологии, литературоведения и мировых языков

КазНУ им. Аль-Фараби

пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

Статья посвящена проблеме межлитературного диалога как одной из стратегий коммуникативной кооперации между этнически гетерогенными культурными доменами. Феномен русскоязычного писателя анализируется с точки зрения креативного дискурса, в котором создаются особые тексты, репрезентирующие «контаминированную картину мира». К ярким «диагносцирующим пятнам» этнокультурного содержания можно отнести такие уровни художественного текста, как архитектонику, мифологический строй, субъектную организацию в аспекте лингвокультурных типажей (В.И. Карасик). На примере поликультурного текста писателя-билингва Аслана Жаксылыкова произведена попытка дешифровки глубинных этнических смыслов, дополнительно «обогащенных» в процессе взаимодействия с русской литературной традицией.

Ключевые слова: межлитературный диалог, русскоязычный писатель, лингвокультура, поликультурный текст, лингвокультурный типаж.

Русскоязычный писатель — неоднозначное в филологической науке понятие. С одной стороны, это продукт историко-культурной универсальности; с другой — важный элемент в структуре своей культуры, способствующий «расширению» ее рамок, выходу за пределы литературного моноязычия к явлению мирового значения (через русский язык).

Русский язык стал одной из форм выражения бытия других национальных литератур, а русская литература — своеобразной «ресурсной базой», или доменом, позволяющим писателям-билингвам «черпать» многовековой художественный опыт на уровне тем, мотивов, философских концепций и пр. и «осваивать» его через особенности своей этнокультуры и ментальности. Итак, мы можем говорить о существовании особого домена — русскоязычной литературы, к представителям которого мы относим Аслана Жаксылыкова.

Домен литературы существует за счет выработанного в нем механизма преемственности, или традиции. Современный философский словарь определяет традицию как совокупность «концентрирующих образцов, стереотипов деятельности, которые путем временной передачи обеспечивают воспроизводство в жизни человеческих общностей, в деятельности новых поколений аккумулированного социального опыта» [1. С. 936]. Писатель всегда «зависим» от текстов, уже включенных в домен, от литературных и языковых форм, сюжетных ходов, образов, сложившейся жанровой системы. Эти факторы обеспечивают устойчивость домена во времени; традиция служит интегрирующим началом, гарантом стабильного развития литературы.

У контактов одного писателя с другим разные «основания». Согласно типологии А.С. Бушмина, они могут носить философско-эстетический, идейно-нравственный, проблемно-тематический, формально-стилистический характер либо представлять собой их комбинацию. В зависимости от прямого либо косвенного влияния подобных контактов происходит дифференциация таких понятий, как «заимствование», «подражание», «творческое усвоение». Под традицией исследователь понимает «творческое усвоение образцов, когда следы последних остаются почти или вовсе неуловимыми текстуально; чужой опыт играет роль вдохновляющего начала, стимула и органически перевоплощается в самостоятельное новое произведение» [2. С. 136].

В концепции Ежи Шацкого традиция есть сознательный выбор писателем элементов культурного наследия [3. С. 284]. По В.Е. Хализеву, традиция подразумевает культурную память этноса и преемственность. Связывая ценности исторического прошлого с настоящим, традиция осуществляет избирательное или инициативное овладение художественным опытом прошлого с целью решения вновь возникающих задач через художественные средства, фрагменты предшествующих текстов, мировоззренческие парадигмы, концепции, идеи [4. С. 1089].

Рассуждая о межлитературных связях, исследователь В.И. Кулешов выделяет два их типа. К первому типу причислены так называемые «конкретные связи», в том числе перевод, подражание, влияние, заимствование; ко второму — историко-типологические аналогии, или схождения, возникающие «независимо от контактов» [5. С. 7].

Важно подчеркнуть, что суть литературных связей кроется в «художественном результате»: «всякое влияние или заимствование неизбежно сопровождается творческой трансформацией исходного образца» (В.М. Жирмунский). «Оба типа связей ведут к одной цели — выяснению оригинальности национальной литературы. И взаимодействия, и схождения всегда образуются на основе «встречных течений» в литературах» [5. С. 9].

Согласно концепции исследователя, первопричина литературного произведения всегда глубоко национальна; новое же движение в литературе происходит под влиянием традиций, в преемственной связи с накопленным материалом. Творческое влияние литературы-транслятора на автора состоит в том, чтобы сформировать у последнего собственную художественную «манеру». Так, юный Лермонтов драматургически «зависел» от Шиллера (о чем свидетельствуют «красноречивые» связи между лермонтовскими «Испанцами» и шиллеровскими драмами «Коварство и любовь» и «Дон Карлос»). Однако задача каждого большого художника в том, чтобы преодолеть традицию, достигнуть нового на основе принятого и освоенного.

Таким образом, традиция одновременно и «передача», и принятие данных; это транспортировка элементов разного уровня сложности из одного текста (корпуса текстов) в другой (другие), в результате которой происходит межтекстовая (шире — межлитературная) «переключка». В этом отношении традиция становится синонимична культурно-литературному диалогу.

Диалог как философская идея, возникшая в качестве полярной монологу, не имеет конкретного авторства. В некоторой степени она «транспозициональна», так как восходит к трудам выдающихся мыслителей разных временных срезов. Как отмечает В.А. Луков, самая ранняя формулировка философии диалога (1912) принадлежит австрийскому христианскому мыслителю Фердинанду Эбнеру (1882—1931). Проблема диалога исследована в работах Н.А. Бердяева («Смысл творчества», 1916; «Философия свободного духа», 1927), Ф. Розенцвейга («Звезда Искупления», 1921), М. Бубера («Я и Ты», 1922), берлинского кружка «Патмос» (1919—1923), М.М. Бахтина («Проблемы творчества Достоевского», 1929) [6]. В перечисленных трудах диалог рассматривается как формообразующий принцип духа, культуры, этноса в противоположность другому принципу — монологу.

Каждый литературный домен существует в диалоге с другими доменами. Будучи уникальной, аутентичной, литература любого этноса взаимодействует с другими литературами, в совокупности с которыми формирует семиосферу Земли.

По наблюдению В.А. Лукова, диалог между культурами — интерсубъектный процесс, реакция на глобализацию и тенденцию к мультикультурализму в современном мире, в результате чего сокращается дистанция между «генетически различными» культурными тезаурусами. Как следствие, нарушаются механизмы этнической идентификации; диалог, таким образом, выполняет функцию конструктивной коммуникативной стратегии (в глобальном смысле) в противодействие конфликту как стратегии «негативной». В качестве специфической составляющей Диалога исследователь называет процесс взаимоотражения культур и литератур, подразумевающий взаимопонимание как результат межкультурной кооперации.

«Диалог культур, взаимоотражение литератур как его конкретное воплощение вовсе не приводит к формированию некой усредненной «глобальной» литературы. Диалог остается диалогом, то есть общением самостоятельных сущностей без их слияния, он имеет смысл в ситуации, когда есть опасность насильственного слияния, что порождает культурный конфликт. Диалог культур ведет к пониманию Другого» [6].

Таким образом, осознание собственной аутентичности становится возможным лишь при условии некоего дистанцирования «от самого себя», «взгляда со стороны». Интроспекция (самонаблюдение) не может выявить уникальности этнокультуры в совокупности всех ее *специфических* черт. Диалог создает герменевтическую ситуацию, которую можно описать следующим образом: «Отражаясь в Другом, вижу Себя». Это то, что М.М. Бахтин определяет как позицию «вне-находимости» — «временной, пространственной, национальной» [7. С. 346]. Участники диалога — полноправные субъекты общения; каждый из них выступает одновременно и транслятором, и реципиентом информации, приумножая, таким образом, «художественно-эстетические ценности в результате их освоения, сопоставления, приятия или неприятия представителями иной культуры» [8. С. 814].

Как отмечалось выше, домен русскоязычной литературы сформирован и развивается в особом историческом контексте, когда надтерриториальность русского языка стала объединяющей силой сначала для народов Российской империи,

а затем и для стран Советского Союза. В данном случае «параметры коммуникации» несколько специфичны: в силу общности языка при сохранении четкой самоидентификации каждого этноса Диалог становится «содержательно и структурно обязательным» (В.Р. Аминова). Писатель-билингв «подключен» одновременно к двум литературно-языковым доменам (относящимся к родной и «освоенной» культурам), которые, синтезируясь в его творчестве, формируют третий домен — синергетическое пространство русскоязычной литературы. Колоссальная сложность этого феномена обусловлена этнической разнородностью создающих доменов писателей.

Это своего рода «обреченность на диалог», детерминированная исторически, географически, ментально.

По Э.Т. Какильбаевой, русскоязычная литература Казахстана — часть литературного процесса как Казахстана, так и России, «уходящая корнями» в эпоху правления Екатерины II [9. С. 3]. В творчестве казахстанских писателей-билингвов ярко выражена «контаминированная языковая картина мира» (А.Б. Туманова), в которой историческая и современная действительность, ментальность, аксиологическая парадигма этноса эксплицируются средствами «усвоенного» языка — русского. При этом «этническая» тематика произведений вовсе не обязательна.

По В.А. Лукову, ядром любого культурного тезауруса является «свое», в то время как «чужое» и «чуждое» находятся на его ближней и дальней перифериях. При этом, как указывает В.Р. Аминова, «свое» нередко «полемизирует» с «чужим». Применимо ли это предположение к творчеству казахстанских писателей-билингвов? Является ли для них домен русской литературы «чужим» по отношению к литературе своего языка и своей культуры? На наш взгляд, решающим в данном вопросе становится диахронический аспект.

Согласно исследованиям У.М. Бахтикиреевой, понятие «русскоязычный писатель» принадлежит XIX веку; в качестве доказательства специалист приводит факт написания художественного текста «Долина Ажитугай» черкесом Султаном Казы-Гиреем. Данное произведение было высоко оценено А.С. Пушкиным, который отметил в *русскоязычном* тексте «верность привычкам и преданиям наследственности», память о генетической вражде между черкесами и русскими, разницу в религиозном постижении мира [10].

Однако XIX в. можно обозначить как начальный этап становления тесных межлитературных контактов, когда «полемика с Чужим» проявляется особенно отчетливо (см. пример выше). Нередко это даже не «чужое», а «чуждое», то есть не совпадающее со «своим» ни на одном уровне художественного воплощения.

Русская литература для иноязычных писателей XIX в. (в данном случае мы имеем в виду представителей казахской этнокультуры) еще не «освоенная»; более того, она сама активно формируется, вырабатывает собственные эстетические и гносеологические методы. Стоит отметить, что литературные контакты этого периода носят не только «вынужденный», но и «добровольный» характер: гений Абая Кунанбаева «знакомит» казахскую литературу с творчеством А. Пушкина и М. Лермонтова. «Письмо Татьяны» в переводе Абая становится народным «до-

стоянием», кюем, что свидетельствует о высшей степени «принятия» иноязычного текста казахской культурой. На двух языках — казахском и русском — пишет выдающийся ученый и путешественник Чокан Уалиханов.

В XX в. общность языка уже «подкреплена» общностью истории. Для писателей-билингвов (представителей Казахской социалистической республики) произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова настолько же «свои», как и наследие Абая Кунанбаева, Шакарима, Чокана Уалиханова, Мухтара Ауэзова. Освоение домена русской литературы иноязычными писателями, его включенность (в данном случае — обязательная) в когнитивную базу всех этносов, составляющих Советский Союз, «снимают», на наш взгляд, вопрос о межлитературной «конфронтации». Мы разделяем мнение В.А. Лукова о том, что в процессе диалога литератур происходит их *взаимоотражение*, а «свое», по формулировке Р.В. Аминовой, превращается в «переконструированное „чужое“».

Русскоязычная литература поли- и транскультурна, коммуникация между этническими тезаурусами совершается на всех уровнях, включая уровень национальных культурных традиций. По справедливому замечанию В. Гумбольдта, «разные языки — это отнюдь не разные обозначения одной и той же вещи, а разные видения ее» [11. С. 312]. Исследователь В.В. Подобрий выделяет два типа межлитературного диалога:

1) диалог русской культурной традиции с самобытными, не подвергшимися ассимиляции культурами, «обособленными» барьерами иного языка и другой государственности (такими, как немецкая, испанская, еврейская и т.п.);

2) коммуникация с культурами, расположенными в географическом соседстве с Россией или бывшими формантами единого государства — СССР [12. С. 267].

При этом русский язык становится коммуникативной доминантой, в то время как маркеры «инобытия» привлекаются автором для создания колорита национальной среды либо для художественной реконструкции мифологического мышления своего этноса.

Миф — это генетическое «ядро» народа, аккумулирующее свойства и характеристики окружающего мира и воспроизводящее их в виде сценариев (сюжетов) и скриптов, закрепленных в коллективном бессознательном. По мнению Е.М. Мелетинского, в мифе кроется самоопределение нации, духовные и ценностные ориентиры, поведенческие предписания для представителей этноса. «Мифы и архетипические сюжеты не только имеют корни в коллективно-бессознательном, но обращены на Космос и социум, они бессознательно социальны и сознательно космичны в силу сближения и отождествления социума и Космоса; мифические герои преперсональны, моделируют социум» [13. С. 159].

«...Национальный писатель, пишущий на русском языке, обязательно... прибегнет к иноязычной, то есть своей национальной лексике и фразеологии. В процессе творчества это обстоятельство мотивируется не только тенденцией выразить национальную специфику, но и ходом творческой мысли автора, художественная система которого не может совершенно отключиться от обычного синтаксиса, ритмической структуры фразы, специфической образности [14. С. 196].

Так, писатель-билингв Аслан Жаксылыков, автор цикла «Сны окаянных», обращается в своих романах к «этногенетической картине мира» казахского народа, «просвечивающей» сквозь русскоязычную форму выражения. Луна, к примеру, называется писателем «налитой желтой дыней», «хищным кошачьим оком» и «изогнутым акинаком». Метафорический уровень восприятия — один из самых достоверных, поскольку в метафоре заложен и сам способ когниции, не только улавливающий, но и создающий сходства между объектами и явлениями действительности. Спелая желтая дыня — «царица бахчи», символ изобилия и благополучия; в этом метафорическом значении мироощущение главного героя еще не «искажено» жизненными обстоятельствами. Впоследствии, пройдя через морально и физически тяжелые испытания, герой начинает «видеть» луну по-другому. Она превращается в хищницу, «кошачье око», выслеживающее в ночи его душу. (Под «кошкой» подразумевается хищный камышовый кот, ночами патрулирующий свои владения, и грозный жолбарыс, степной тигр).

Добавим, что наличие «хищника» всегда предполагает и наличие «жертвы». Вторым элементом этой диады становится главный герой. Неслучайно и скрытое сравнение луны с акинаком — кривой короткой саблей с наверху в виде полумесяца, используемой скифами, персами и массагетами для нанесения *врагу* размашистых рубящих ударов. В данном случае «луна» как смыслопорождающий стимул генерирует еще одну коннотацию — «враг». Протогонист воспринимает ночь как враждебную и губительную для себя стихию, «пучину страха». Таким образом, метафорический комплекс луны при дешифровке раскрывает динамику сложных взаимоотношений главного героя с миром: от «благодушного нейтралитета» («налитая желтая дыня») до статусов «жертвы» и «врага».

Помимо лексических маркеров «инаковости», включающих топонимы, обозначения предметов быта (юрта, сурпа, кошма), представителей флоры (ченгель, карагач) и фауны (уку, барыс, айдахар), автор цикла задействует и сложную парадигму лингвокультурной типажности.

По В.И. Карасику, лингвокультурный типаж соотнесен с обобщенным (типизируемым) репрезентантом определенной социальной группы. Он узнаваем, ассоциативен, символичен, прецедентен, типичен. Будучи одной из разновидностей концепта, лингвокультурный типаж структурирован и имеет понятийную, образную и ценностную составляющую [15. С. 310].

Одним из ключевых сигнификаторов цикла становится Старый Учитель. Типаж, впервые обозначаемый автором на русском языке, впоследствии уточняется через две рекуррентных номинации: Мугалим и Баксы. Таким образом, понятийная сфера лингвокультурного типажа «Учитель» становится трехмерной: 1) «Учитель» как представитель профессии; 2) религиозный наставник; 3) архаический шаман, посланник высших сил и посредник между мирами.

Эти понятийные «стратумы» соотнесены с диахронической осью, которую выстраивает Жаксылыков: Настоящее — Религиозное Прошлое — Мифологическое прошлое.

В Настоящем Старый Учитель занимается воспитанием и образованием детей-сирот, то есть выполняет социальную функцию, соответствующую профессии

учителя. Однако, погружаясь в рассказы о временах Золотого века, он становится в глазах детей Мугалимом. Испокон веков мугалимы в казахской степи состояли при медресе, религиозных школах, в которых преподавали важнейшие положения Корана и суфийскую мудрость.

«Уход вглубь времен» эксплицирует самую скрытую из ипостасей Учителя — баксы, или шамана. В культуре кочевников за баксы закреплён ряд важнейших для жизни рода значений: 1) демиург всего сущего, гармонией творящий мир (о чем свидетельствует корпус мифов о Покровителе всех Баксы и создателе главного музыкального инструмента казахов — кобыза — Коркыте); 2) защитник рода, путешествующий между мирами вместе с духами и демонами; 3) голос Бога (или божеств); 4) наставник общины; 5) лекарь; 6) лицедей, создающий вокруг себя пространство мистерии; 7) воин, призванный бороться с силами зла, грозящими людскому роду (в атрибутику баксы непременно входят разные виды оружия, такие, как камча, акинак, лук и стрелы и др.)

Таким образом, Жаксылыков не только «вплетает» в свое повествование лексические элементы своей культуры, но и делает эту культуру символически значимой, провозглашает ее генетическую «исходность», в то время как русская литература становится пространством «обогащения» первичного текста культурными смыслами.

Так, эпитет «Старый» (Учитель) является аллюзией на Старца Зосиму из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского. Это предположение «подкреплено» и другими отсылками к творчеству Достоевского: дети в романе названы «униженными и оскорбленными»; один из героев спорит со своим антиподом о том, что Бога нет и «все дозволено»; ставится вопрос «о слезке ребенка». Подобная прецедентность тем, мотивов и философских вопросов направлена к высочайшим нравственным ориентирам, заданным классической русской литературой. Включением романа в глобальный художественный интертекст Жаксылыков подчеркивает идейно-эстетическую значимость общих для русской и казахской литератур аксиологических эталонов.

Диалог между равноправными субъектами коммуникации (в данном случае русской и казахской литературами в *поликультурном русскоязычном тексте*), каждый из которых действует, исходя из собственных пресуппозиций (т.е. всех предшествующих знаний о себе и о Другом) и интенций в *общекультурном контексте* потенциально ведет к кооперации самого высокого уровня, в результате чего трансформируется и обогащается семиосфера человечества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Акад. проект, 2004. — 861 с.
- [2] Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы. — Л., 1978. — С. 136.
- [3] Шацкий Ежи. Утопия и традиция / пер. с польск.: общ. ред. и послесл. В. А Чаликовой. — М., 1990. — С. 284, 356.
- [4] Хализев В.Е. Традиция // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2001. — С. 1089.

- [5] *Кулешов В.И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина), изд. 2. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. — 350 с.
- [6] *Луков Вл.А.* Диалог культурных тезаурусов. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» / 2008. — № 9. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_Dialogue/
- [7] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
- [8] *Аmineва В.Р.* Межлитературный диалог как предмет компаративистского исследования // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2010. — № 4—2. — С. 814—617.
- [9] *Джолдасбекова Б.У., Какильбаева Э.Т.* Русские писатели Казахстана: биографический справочник / Б. Джолдасбекова, Э. Какильбаева; Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби. — Алматы: Қазақ университеті, 2011. — 203 с.
- [10] *Бахтикиреева У.М.* Содержание понятия «русскоязычный писатель» // Русскоязычие и би(полилингвизм) в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы Второй Международной научно-методической конференции. г. Пятигорск, 2009 г. — Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. — С. 24—28.
- [11] *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. — М.: Прогресс, 1985. — С. 312.
- [12] *Подобрий А.В.* Диалог национальных культур в русской прозе 20-х годов XX века. Дисс. ... д-ра фил. наук. — Екатеринбург, 2009.
- [13] *Мелетинский Е.М.* Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Бессознательное. Сборник. — Новочеркасск, 1994. — С. 159—167.
- [14] *Далгат У.Б.* О роли фольклорных и этнографических элементов в литературе // Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке. — Кишинев: Штиинца, 1971. — С. 196.
- [15] *Карасик А.В.* Фанат как типаж современной массовой культуры // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 269—282.

LITERATURE

- [1] *Sovremennyiy filosofskiy slovar / pod obsch. red. V.E. Kemerova.* — 3-e izd., ispr. i dop. — М.: Akad. proekt, 2004. — 861 s.
- [2] *Bushmin A.S.* Preemstvennost v razvitii literatury. — L., 1978. — S. 136.
- [3] *Shatskiy Ezhi.* Utopiya i traditsiya / per. s polsk.: obsch. red. i poslesl. V.A Chalikovoy. — М., 1990. — S. 284, 356.
- [4] *Halizev V.E.* Traditsiya // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy. — М., 2001. — S. 1089.
- [5] *Kuleshov V.I.* Literaturnyye svyazi Rossii i Zapadnoy Evropoy v XIX veke (pervaya polovina), izd. 2. — М.: Izd-tvo Mosk. un-ta, 1977. — 350 s.
- [6] *Lukov Vl.A.* Dialog kulturnykh tezaurusov. Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znanie. Pnimanie. Umenie». / 2008, # 9. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_Dialogue/
- [7] *Bahtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. — М., 1979.
- [8] *Amineva V.R.* Mezhliteraturnyy dialog kak predmet komparativistskogo issledovaniya // Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. — 2010. — # 4—2. — S. 814—617.
- [9] *Dzholdasbekova B.U., Kakilbaeva E.T.* Russkie pisateli Kazahstana: biograficheskiy spravochnik / B. Dzholdasbekova, E. Kakilbaeva; Kazahskiy Natsionalnyy universitet im. Al-Farabi. — Almaty: Қазақ университети, 2011. — 203 s.
- [10] *Bakhtikireeva U.M.* Soderzhanie ponyatiya «russkoyazychnyy pisatel» // Russkoyazychie i bi(polilingvizm) v mezhkul'turnoy kommunikatsii XXI veka: kognitivno-kontseptual'nye aspekty: Materialy Vtoroy Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. g. Pyatigorsk, 2009 g. — Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2009. — S. 24—28.

- [11] *Gumbol'dt V.* Yazyk i filosofiya kul'tury. — M.: Progress, 1985. — S. 312.
- [12] *Podobriy A.V.* Dialog natsional'nykh kul'tur v russkoy proze 20-kh godov XX veka. Diss. ... d-ra fil. nauk. — Ekaterinburg, 2009.
- [13] *Meletinskiy E.M.* Analiticheskaya psikhologiya i problema proiskhozhdeniya arkhетipicheskikh syuzhetov // Bessoznatel'noe. Sbornik. — Novocherkassk, 1994. — S. 159—167.
- [14] *Dalgat U.B.* O roli fol'klornykh i etnograficheskikh elementov v literature // Natsional'noe i internatsional'noe v literature, fol'klоре i yazyke. — Kishinev: Izdatel'stvo «Shtiintsa», 1971. — S. 196.
- [15] *Karasik A.V.* Fanat kak tipazh sovremennoy massovoy kul'tury // Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi. — Volgograd: Paradigma, 2005. — S. 269—282.

**ON QUESTION OF INTERLITERARY DIALOG
IN A SPACE OF POLYCULTURAL TEXT
(based on a literary cycle “Dreams of the damned”
by Aslan Zhaksylykov)**

O.A. Valikova

Literary Studies and World Languages
Kazakh National University of Al-Farabi
Al-Farabi, 71, Almaty, Kazakhstan, 050040

The article is devoted to the interliterary dialogue as one of the strategies of communicative cooperation among ethnically heterogeneous cultural domains. The phenomenon of “Russian-speaking writer” is analyzed in terms of creative discourse, which generates special texts which represent the “contaminated picture of the world”. Ethno-cultural content may include such levels of a literary text, as architectonics, mythological system, the subjective aspect of the organization in linguocultural typecasting (V.I. Karasik).

On the material of multicultural text by bilingual writer Aslan Zhaksylykov decryption of basic ethnic sense, further “enriched” in the process of interaction with the Russian literary tradition, is given.

Key words: interliterary dialog, Russian-speaking writer, polycultural text, linguoculture, linguocultural type.